

Ветер доносил со двора звуки весёлого смеха.

— Почему ты пишешь человеку, которого не знаешь? — спросил Цзян Шоуянь.

— Сам не понимаю. — Чэн Цзайе опустил голову. — Особой причины нет. Просто в тот момент, когда я сжимал в руках конверт, мне вдруг очень захотелось ему написать.

На самом деле это был не единственный подобный момент. В телефоне Чэн Цзайе был альбом под названием Riley. В нём хранились почти две сотни фотографий. Всё это были вещи, которыми Чэн Цзайе в ту или иную секунду хотел поделиться с Райли: будь то закат, вкусный десерт или его совместное фото с профессором. Возможно, на него повлияла история родителей — любовь с первого взгляда, предначертанная судьбой. В глубине души Чэн Цзайе был неисправимым романтиком, но его жизнь не ограничивалась только любовью.

Цзян Шоуянь вернул ему фотографию Чэн Цзайе и поднял голову, рассматривая остальные: глубоководные погружения, рыбалка, прыжки с парашютом, мореплавание в Австралии, извержение вулкана в Исландии... Цзян Шоуянь подумал, что такая странная затея, как письмо незнакомцу, в случае с Чэн Цзайе не кажется чем-то необычным. Он жил слишком уж свободно, следуя лишь своим желаниям. Наконец его взгляд остановился на фотографии в левом верхнем углу. Он её помнил — Чэн Цзайе выкладывал её в «Моменты».

— Это мыс Нордкап в Норвегии, — Чэн Цзайе проследил за его взглядом. — Самая северная точка континентальной Европы.

Фото висело довольно высоко, чтобы не тянуться за ним, Чэн Цзайе взял с полки фотоальбом и раскрыл его на столе. Он хотел встать поближе к Цзян Шоуяню, но выдвинутый стул мешал ногам. Тогда Чэн Цзайе отодвинул его подальше и посмотрел на Цзян Шоуяня, который опирался на край стола.

— Присядешь? В альбоме есть копии всех фотографий на стене.

Из каждой поездки Чэн Цзайе привозил множество снимков. Таких альбомов у него

накопилось уже штук пять. Этот был очень толстым. Когда пальцы Цзян Шоуяня коснулись кожаной обложки, его посетило сложное чувство — смесь волнения и приятной тяжести. Возможно, дело было в самом альбоме, а возможно в том, что внутри была заключена жизнь Чэн Цзайе. Ведь знакомство с чужим прошлым — всегда начало сближения.

— Снимки с Нордкапа чуть дальше.

Следуя подсказке Чэн Цзайе, Цзян Шоуянь перелистнул страницы. Он нашёл фотографии северного мыса: бескрайние снежные горы и приземистые деревянные домики, одиноко стоящие среди снегов. Чэн Цзайе положил руку на спинку стула и слегка наклонился.

— Мыс Нордкап возвышается над бескрайним Северным Ледовитым океаном. За ним — величественные фьорды и горы. Поэтому некоторые называют это место краем света, — вполголоса произнёс он.

Цзян Шоуянь один за другим рассматривал снимки. Бóльшую часть занимало северное сияние — яркие разноцветные ленты света, плывущие по чёрному небу и освещающие заснеженные вершины. Вдруг в альбоме пошли пустые страницы, а за ними — фотографии из других стран.

Цзян Шоуянь озадаченно замер. Он хотел повернуть голову, но первым, что он увидел, была рука Чэн Цзайе, упирающаяся в край стола. Движение шеи на мгновение застопорилось. На самом деле они стояли не так уж близко друг к другу — на вполне приличной социальной дистанции. Но может, из-за того, что температура тела Чэн Цзайе была выше, или из-за его позы, создававшей иллюзию замкнутого пространства, Цзян Шоуяню вдруг стало жарко. Он снова опустил взгляд на альбом и, указывая на пустоту, тихо спросил:

— Почему эти страницы пустые?

— Потому что Нордкап знаменит не только полярным сиянием в разгар зимы, но и незаходящим полуночным солнцем в середине лета, — ответил Чэн Цзайе. — Именно поэтому этот край света так притягивает влюблённых. Северный Ледовитый океан искрится на ветру, а там, где вода сливается с небом, висит незаходящее солнце. Кажется, что время в этот миг замирает, воплощая собой прекрасный символ вечности.

Чэн Цзайе говорил неспешно. Цзян Шоуянь смотрел на пустые страницы, кожей чувствуя на себе его взгляд.

— Но тем летом у меня были другие дела. Так что я пока не нашёл возможности туда попасть.

Цзян Шоуянь вспомнил ту фотографию из кондитерской с яичными тартами, которую Чэн выложил в июне. Он не стал спрашивать, что именно это были за дела. Он опустил голову и продолжил листать страницы.

Альбом Чэн Цзайе был таким же своевольным, как и его хозяин. Разные места отделялись друг от друга закладками с названиями и датами. Цзян Шоуянь просмотрел всё и понял, что не встретил ни одной летней даты. Не успел он сформулировать вопрос, как стоящий за его спиной Чэн Цзайе медленно выпрямился и подошёл к самому краю стола.

— Вообще-то, в Лиссабоне тоже есть своё «самое-самое», — Чэн Цзайе указал на карту. — Мыс Рока. Самая западная точка континентальной Европы.

Цзян Шоуянь поднял глаза и увидел на фото узкий утёс, на котором стоял красно-белый маяк.

— В последний раз я был там лет восемь или девять назад, — небрежно заметил Чэн Цзайе, глядя на снимок. — Сейчас смотрю на фото и понимаю, что соскучился по этому месту.

Цзян Шоуянь был проницателен. Он сразу понял, что эти слова — скрытое приглашение. Раньше предложения Чэн Цзайе были пылкими и прямыми: будь то волейбол на пляже, встреча рассвета или сегодняшний гриль во дворе. Если он чего-то хотел, открыто говорил об этом. Но в этот раз он ждал, что Цзян Шоуянь сам пригласит его.

В приоткрытое окно пробрался ветерок. Свет и тени слегка дрожали, пока молодые люди смотрели друг на друга. Один сидел, другой стоял. Чэн Цзайе находился выше, но при этом чувствовал, что у него нет абсолютно никакого преимущества. Улыбка в уголках его губ начала медленно гаснуть в затянувшейся тишине. Но тут снизу донёсся протяжный крик:

— (Зе-е-ефир!)

Тишина была нарушена. Чэн Цзайе первым отвёл взгляд:

— Пойду гляну.

Стеклянная дверь на балкон открылась. Пауло внизу размахивал водяным пистолетом, пытаясь выстрелить в окно второго этажа, но давления не хватило, и вода облила его самого. Чэн Цзайе не выдержал: облокотившись на перила, он звонко рассмеялся.

— (Вы чего застряли наверху?) — Пауло беспечно тряхнул головой, сверкнув белозубой улыбкой. — (Неужели переодеться — так долго? Внизу уже съели две порции!)

— (Мы сейчас спустимся!)

Стеклянная дверь была распахнута, сквозняк донёс до ушей Цзян Шоуяня голос Чэн Цзайе. Цзян Шоуянь задумчиво смотрел на угол письменного стола. Там лежали несколько деревянных роз — чьи-то неудачные попытки резьбы.

В сумерках двор наполнился уютной домашней атмосферой. Цзян Шоуянь сидел в тени зелени и заворожённо смотрел на мерцающие настенные светильники. Со стороны уличной барной стойки неслись возгласы: Пауло и Мартим соревновались, кто больше выпьет. Коктейли они мешали как попало: красные, зелёные, синие жидкости сливались в нечто, чем, казалось,

можно отравиться лишь взглянув.

Крики и подначки стали такими громкими, что Цзян Шоуянь невольно обернулся. Удивительно, хотя он и не был в центре веселья, первым делом его взгляд выхватил Чэн Цзайе. Толпа почти полностью закрывала его, и Цзян Шоуянь не понимал, чем тот занят. Он лишь видел, как свет настенных ламп чётко очерчивает его силуэт.

Словно что-то почувствовав, Чэн Цзайе повернул голову и случайно бросил взгляд в сторону Цзян Шоуяня. Их взгляды на мгновение переплелись и тут же разошлись. Цзян Шоуянь вспомнил их безмолвную дуэль взглядов в комнате наверху и стену с фотографиями. Разглядывание этих снимков вызывало тихое, но масштабное потрясение. Ему было трудно представить, что Чэн Цзайе может быть связан по рукам и ногам каким-то человеком или делом. Но сейчас, в этом тихом дворе, глядя на шумную компанию неподалёку, он вдруг ощутил необъяснимое спокойствие.

От группы отделилась высокая фигура с подносом. Спустя мгновение на журнальном столике перед Цзян Шоуянем появились коктейль, лёд, лимон и щипчики.

— Это сангрия. Не знал, захочешь ли ты лёд, поэтому принёс всё сразу. — Чэн Цзайе пододвинул поднос Цзян Шоуяню. — В отличие от того месива, что пьют Пауло и остальные, это вполне можно употреблять.

Цзян Шоуянь лениво выпрямился на диване. Чэн Цзайе обошёл столик и сел на диван рядом.

— Сколько кубиков льда будет в самый раз? — спросил Цзян Шоуянь.

— Два-три, — ответил Чэн Цзайе.

Видимо, у Цзян Шоуяня совсем не было подобного опыта. Он слишком рано разжал щипчики, и лёд с глухим плеском ушёл на дно. Несколько капель сангрии цвета заката брызнули Цзян Шоуяню в лицо. Он небрежно стёр их рукой, но услышал подсказку Чэн Цзайе:

— Не всё, — и машинально указал на его лицо: — Осталось немного около уголка губ.

Цзян Шоуянь на мгновение замер. Оставаясь в той же позе, чуть наклонившись вперёд, он повернул голову к Чэн Цзайе и с улыбкой спросил:

— Где именно?

Последние слова растворились в воздухе, словно дразнящий крючок. Чэн Цзайе помедлил несколько секунд. В густеющих сумерках он медленно поднял руку и подушечкой пальца едва коснулся влажного уголка губ Цзян Шоуяня, стирая крохотное винное пятнышко. Когда он уже убирал руку, Цзян Шоуянь небрежно спросил:

— Чэн Цзайе, далеко ли отсюда мыс Рока?

Небо поглотило последний отблеск заката. Чэн Цзайе увидел, как остатки этого света переливаются в глазах Цзян Шоуяня.

— Недалеко, — услышал он собственный тихий голос. — Хочешь поехать?

<http://bllate.org/book/14908/1435547>